

Сергей Изуграфов
Сумма впечатлений

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Сумма впечатлений. Детективная
серия «Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Сумма впечатлений. Детективная серия «Смерть на Кикладах» /
С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747766-0

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос, где покупает виллу и виноградник. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

ISBN 978-5-44-747766-0

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сумма впечатлений Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-7766-0

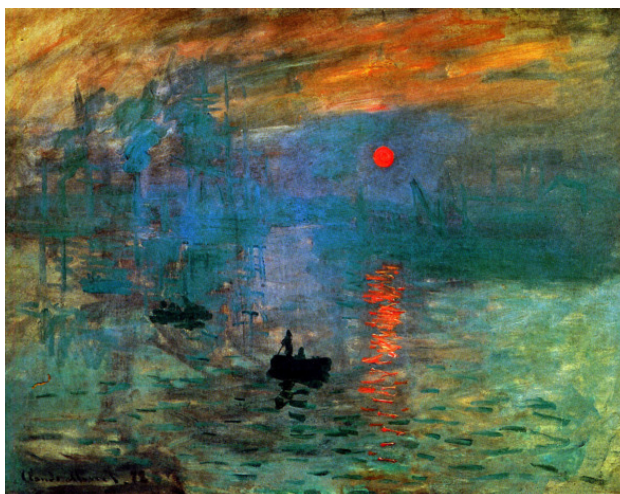
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как много в искусстве прекрасного! Кто помнит все, что видел, тот
никогда не останется без пищи для размышлений,
никогда не будет по-настоящему одинок.

Винсент Ван Гог.

Пролог

Клод Моне. «Впечатление. Восход солнца»

(Из досье Интерпола: Клод Моне, «Впечатление. Восход солнца», 1872 год. Холст, масло. 48 x 63 см. Музей Мармоттан-Моне, Париж. Была украдена в 1985 году. Найдена и возвращена музеем в 1991 году.)

Каждый обсуждает мое искусство и делает вид, что понимает, как если бы это было необходимо, когда нужно просто любить.

Клод Моне

Стоя на просторном балконе своей «хозяйской башенки» – самой высокой точки виллы «Афродита», – Алекс Смолев, недавно ставший владельцем небольшой и уютной гостиницы на одном из красивейших греческих островов, наблюдал за тем, как причаливший к пирсу утренний паром высаживает большое количество пассажиров на пристань столицы Наксоса – Хоры.

Приезжие, спеша, покидали красно-белый лайнер и направлялись или напрямиком к пятизвездочному фешенебельному отелю «Ройял Палас Наксос», где их ждали роскошные номера в стиле ар-деко, или к другим, не столь помпезным небольшим виллам и гостиницам Хоры, предпочитая домашний уют и аутентичную островную кухню мраморному великолепию дворца.

Пассажиров было заметно больше, чем обычно: завтра в выставочном зале «Ройял Палас Арт Холл» открывалась выставка уникальных полотен импрессионистов, собранная из шедевров, разбросанных по частным коллекциям. Такой подарок для всех ценителей искусства в день своего семидесятилетнего юбилея преподнес родному острову Георгос Папандреу – владелец отеля «Ройял Палас», коллекционер, германский миллионер греческого происхождения, меценат и филантроп, тонкий ценитель и знаток живописи.

Знаковое событие для Наксоса, думал Алекс, шурясь на солнце и прикрываясь от него ладонью.

Оживление было заметно во всем: лавочки вдоль набережной были открыты с раннего утра, в тавернах готовились предложить прибывшим прохладительные напитки и легкие закуски, на набережной у рыбацких лодок бойко шла работа: рыбаки сдавали улов закупщикам, наскоро чистили сети от чешуи, водорослей и мелкого морского сора, весело и громко переговариваясь друг с другом, и готовились снова выйти в море.

Все островитяне только рады наплыву туристов: таверны еще накануне утроили закупки овощей и фруктов, вина, ракии и меда у фермеров в долине. Ракомело – местное изобретение с древних времен, когда анисовая водка смешивается с ароматным тимьяновым медом, – всегда пользуется спросом у приезжих: ее подают даже на официальных приемах в лучших отелях острова. Рыбаки тоже рады: таверны требуют еще и еще свежих морепродуктов – только что выловленные ими лобстеры, креветки и кальмары, приготовленные на гриле с чесноком, оливковым маслом и лимоном, расходятся моментально.

Свежая рыба утреннего улова уже давно аккуратно почищена и выпотрошена, уложена на лед и ждет обеденного часа, чтобы зашипеть на сковороде в оливковом масле с веточкой тимьяна или розмарина, а еще впереди ужин и длинная ночь, вся в ярких огнях прибрежных фонарей и ароматах потрясающе вкусной средиземноморской кухни, основное правило которой: все должно быть свежим! Турист должен быть накормлен!

Все хотят побольше заработать на знаменательном событии.

Да и таверна «У Ирины и Георгиоса», принадлежащая Смолеву и названная так в знак уважения к предыдущим хозяевам, уже забронирована на обеды для посетителей выставки на всю неделю вперед. Повар виллы «Афродита» Петрос, отвечающий и за таверну, второй день носит на лице одновременно выражение крайнего счастья и крайней же озабоченности.

Алекс улыбнулся и покачал головой. Да ты совершенно превратился в островитянина: у тебя появились другие интересы, сказал он сам себе. Еще пару лет назад ты бы радовался, что сможешь живьем увидеть полотна Ван Гога и Клода Моне, которыми так увлекался в юности, простаивая часами в Эрмитаже и Музее Изобразительных Искусств имени Пушкина, когда судьба забрасывала в столицу. А сейчас о чем твои мысли в первую очередь? О том, хватит ли вина в гостиничном погребе? Справится ли Петрос? Будет ли удачным улов у Никоса, что поставляет морепродукты на кухню виллы? Как изменилась твоя жизнь! Не пора ли переключиться? Ведь права Рыжая Соня – новая управляющая его виллой, что прожужжала Смолеву все уши, третий день захлеб рассказывая о том, что такое событие происходит раз в сто лет.

«Клод Моне, Поль Сезанн, Огюст Ренуар!» – произносила она с видимым удовольствием имена великих импрессионистов, сама прислушиваясь к их звучанию, как к красивой и диковинной музыке. – «Это же с ума сойти, дядя Саша! Я так люблю „Кувшинки“ Моне! Я, может, мало понимаю в искусстве, но на картины Моне могу смотреть часами, не отрываясь! Те, что он написал в своем саду – это какая-то феерия красок! Это словно другой мир, такой красивый, яркий, многоцветный! Будто погружаешься в праздник! Я не могу объяснить словами: люблю – и все! Всю жизнь бы на них смотрела! Обещают „Мулен де ля Галетт“, говорят, что это самая красивая картина Ренуара! Еще будут Винсент Ван Гог и Поль Гоген – эти друзья, ставшие непримиримыми врагами. Такая печальная история, но картины обоих – просто фантастика! Обещают даже ранние работы Пабло Пикассо из голубого и розового периодов его творчества – они настолько редки, что давно лишь музейные экспонаты! Босс, мы идем непременно!»

Эта дурацкая привычка называть его «босс» появилась у Рыжей Сони после общения с Катериной – старшим администратором, ответственной за расселение гостей и функционирование стойки ресепшн, куда гости обращались по любым вопросам, и веселая, доброжелательная девушка всегда находила выход из самой сложной ситуации. Всем Катерина была хороша, но не в меру словоохотлива.

Наверно, это издержки ее работы, подумал Алекс, профессиональная деформация сознания. Она-то первой и назвала Смолева «босс», когда он временно исполнял обязанности управляющего виллой несколько месяцев назад, еще до ее покупки. С тех пор это дурацкое словечко на вилле прижилось.

Он вернулся в свой кабинет с балкона и нажал на стационарном телефоне кнопку селекторной связи.

– Доброе утро, босс! – бодро раздался из динамика звонкий голос Катерины. – Сегодня еще не здоровались! Как вам новые булочки с абрикосовым вареньем и лесными орехами? Ну те, что подали на завтрак в качестве эксперимента? У персонала мнения разделились: кухня считает, что нужно больше абрикосов, а горничные – что не помешало бы и орехов добавить! Я вот лично думаю, что еще было бы хорошо корицы, но Петрос почему-то уперся – и ни в какую! Я считаю, корица сахарной пудре сто очков вперед даст! Вы бы ему сказали, босс, с корицей булочки гораздо вкуснее! Уж вы-то понимаете, что без корицы – никуда! Все высказали свое мнение. Один только Христос съел пять штук и ничего не сказал, выпил целый кофейник, головой помотал и ушел снова свой сад полоть. Как так можно? Ой! А вы что-то хотели, босс?

Это была обычная ситуация. Смолев уже стал привыкать. Сперва это его смешило, потом он раздражался, затем научился считать до десяти и не перебивать этот «поток-сознание» словоохотливой дежурной. Ей нужно было дать время выговориться, лишь тогда можно было уже переходить к сути. От русской мамы Катерина переняла любовь к русскому языку, говоря на нем, как на родном, с едва заметным милым акцентом, а от папы-грека – буйный южный темперамент.

– Доброе утро, Катерина. Булочки попробую обязательно! Доложи, пожалуйста, что у нас по загрузке номеров на ближайшую неделю?

– Легко, босс! Одну минуточку, я только открою журнал! – было слышно, как ее проворные пальцы бегают по кнопкам компьютерной клавиатуры. – Итак, у нас снова полный аншлаги! На хозяйской половине все готово для ваших гостей: семья Манн ожидается в полном составе, две спальни и гостиную мы, согласно вашему распоряжению, приготовили! Бар, холодильник, сыры, фрукты, цветы, – все на месте! Номер первый – держим для вашей... Э-э-э, госпожи Стефании Моро: она должна быть вместе с Маннами к обеду. Там тоже все готово. И номер замечательный, а букет, что принес Христос, – просто волшебный! – понизила она голос, – Стефании очень понравится, босс! Так что и не переживайте!

– Хорошо, хорошо, – пробурчал несколько смущенно Алекс. – Давай дальше!

– Дальше: второй номер у нас для молодых Аманатидисов; они обещали подъехать к вечеру из долины, привезти вина. Тоже хотят посетить выставку. Мария тянет Димитроса, хочет показать ему художников, но того сложно оторвать от виноградника! Весь в работе! Все, все, не отвлекаюсь, босс! Третий номер – Лили и Джеймс Бэрроу с маленькой Кристиной Феодоракис! Такая милая девочка, она у нас – любимица! Только подумать, что ей пришлось пережить! Наш повар Петрос в ней души не чает: каждый день печет для нее пирожные, вручит ей, по голове погладит, а потом отойдет на кухню и оттуда наблюдает, как она ест, незаметно себе слезы утирает, думает, что никто не видит! Такой большой мужчина, а душа – как у ребенка!

– Катерина, – терпеливо, но настойчиво произнес Смолев. – Мы с тобой так полдня будем разговаривать, но мне за Маннами в аэропорт выезжать всего через час! К тому же, я еще хотел и позавтракать!

– Все, все, босс! – заторопилась администратор. – Дальше-то все просто. В четвертом номере – немец, господин Альберт Шульц. Приехал на выставку. Кажется, журналист, который пишет про живопись, ему около тридцати. Нервный какой-то, дерганный! Сначала очки забыл на стойке, пришел за ними. Потом чемодан бросил на ресепшн, убежал в номер. Потом вернулся – забрал чемодан. Такой рассеянный! Я ему на всякий случай сунула визитку нашего отеля с адресом, не ровен час, потеряется сам! Ищи его потом по всему острову! Потом гляжу: опять бежит, на этот раз из гостиницы в сторону моря. Через полчаса вернулся, весь расстроенный, в номере заперся... Так, босс, не скрипите зубами, дальше я по делу! В пятом номере – швейцарец, господин Вольфганг Крамер, лет шестидесяти. Вальяжный такой, с животиком, очень солидный дяденька. Странно, что у нас поселился, а не в самом «Ройял Паласе». Очки в золотой оправе, бумажник из крокодиловой кожи, расплатился «платиновой» кредиткой,

на мизинце перстень с бриллиантом. Представился как артдилер. Не знаю, что это такое! А вы, босс?

– Торговец произведениями искусства, – кивнул Смолев. – Продолжай!

Крамер, подумал он, Крамер! Известная фамилия в художественных кругах. Ну да, Вольфганг Крамер, галерист! Как-то однажды про него говорил Манн в связи со скандальным делом о похищении нескольких картин из Афинского музея изобразительных искусств. Крамера тогда приглашали то ли в качестве свидетеля, то ли эксперта... Ладно, взглянем на него потом, посмотрим, что он из себя представляет.

– В шестой номер въехала молодая семья из Франции. Оба художники, лет по двадцать пять. Так, сейчас гляну, как зовут... Ага, Гастон и Мари Леблан. Только заехали, как сразу схватили мольберты, краски, кисти и побежали на мол рисовать паром, пока он не ушел! Такие веселые! Так смешно по-французски щебечут! По-английски когда говорят, часто ошибаются и все слова в кашу мешают! Говорят: «Ваш паром есть ле руж-блан манифик! Красно-белый на фоне зелено-голубой пейзаж! Желтое солей! Какой импресьён!» И унеслись! Даже завтракать не стали!

– Катерина, – напомнил Смолев, – у меня осталось всего пятьдесят минут! Хочешь и меня оставить без завтрака?

– Ни в коем случае, босс! – бодро произнесла девушка. – Осталось-то всего чуть-чуть! В седьмой номер въехал американец Джесси Куилл. Хмурый, неразговорчивый. Худой, желчный какой-то, взгляд цепкий, колючий. Глазами по сторонам так и бегал, все вопросы задавал про гостиницу, про хозяев и про постояльцев! Но я ни-ни, вы же меня знаете! Из меня лишнего слова не вытянешь! Бросил мне с кислой физиономией свою визитную карточку, взял чемоданчик и пошел к себе в номер. Через полчаса вышел, спросил, как пройти к «Ройял Палас Наксос», и испарился. На визитке у него написано «Berkshire Hathaway Insurance, European and Middle East Headquarters»¹, мобильный телефон, имя, фамилия, – и больше ничего! Кто такой, зачем приехал, – я не поняла.

– Это представитель страховой компании, – вполголоса задумчиво произнес Алекс. Хотя больше похож на детектива, подумал он. – Ладно, еще кто поселился?

– Восьмой номер, босс, если вы помните, мы не хотели сдавать. Там еще не все до конца сделано: кое-какие мелочи по ремонту остались. Но такой наплыв туристов в связи этой выставкой, мест уже не хватает, и Софья решила, что мы можем сдать его на неделю, а потом спокойно устранить мелкие недоделки. Уж очень ее просили. Туда поселились два молодых грека, студенты факультета искусств в Салониках. Карпос и Алексис. Только, заглянув в паспорта, я обнаружила, что им лет по тридцать, я еще подумала, босс, что староваты они для студентов! Но деньги заплатили вперед, сразу за неделю. Оставили вещи, взяли только с собой какие-то тубусы и тоже ушли к морю рисовать, наверно. По длинной галерее – все! По короткой остались три номера: девятый, десятый и одиннадцатый. Они тоже все сданы. В девятый въехал адвокат Жан-Пьер Клермон, гражданин Швейцарии, француз по происхождению. «Мутный» он какой-то, босс! Пока я его оформляла, он мне шесть раз сказал, что он известный адвокат, и если меня здесь притесняют, то он готов представлять мои интересы в суде против работодателя! А меня тут притесняют, босс?

– Еще как! – утвердительно кивнул Смолев и кровожадно добавил: – Если ты мне сейчас, немедленно, до конца не расскажешь, что у нас с номерами, я тебя лишу булочек с корицей навсегда, и никакой швейцарский адвокат тебе не поможет! Любой суд меня оправдает!

– Ладно, ладно! Пошутить уже нельзя, – весело прыснула Катерина. – В десятом номере две француженки, дамочки неопределенного возраста. Это на вид, но в паспорта-то я загля-

¹ «Беркшир Хэтэуэй Иншуранс», штаб-квартира в Европе и на Ближнем Востоке. Крупнейшая американская страховая компания (прим. автора).

нула! Одной сорок три – Моник Бошан, другой – Джульетте Гаррель – тридцать девять. Обе разведены. Очень восторженные, ждут не дождутся завтрашнего дня. Сплошные охи-ахи! Приехали на торжественное открытие выставки, пробудут всю неделю, планируют каждый день ходить, любоваться картинами. Всем рассказывают, как они любят картины импрессионистов! Ну и наконец, в одиннадцатом номере мы поселили профессора-искусствоведа из Афинского университета. Ваш друг Виктор Манн просил забронировать для него номер. Профессор пока не прибыл, но номер уже полностью готов к его приезду. Так что, босс, у вас есть еще полчаса, чтобы спокойно позавтракать! Кстати, вы только обязательно попробуйте булочки! Сразу увидите, что с корицей было бы вкуснее! Абрикосы и орехи – это хорошо, но сахарная пудра ни в какое сравнение не идет с...

Не дослушав, Смолев аккуратно положил трубку на рычаг, улыбаясь и качая головой: Катерина была неисправима. Лишнего слова из нее не вытянешь, как же!

Еще через полчаса, позавтракав у себя в номере и выпив две чашки кофе с молоком, он выехал в аэропорт встречать Виктора Манна и его семейство.

Самолет прибыл вовремя, и друзья снова встретились у здания небольшого аэровокзала. Семья Маннов прибыла в полном составе: Виктор, Тереза и двое близнецов, которые начали весело резвиться сразу же, как сошли с трапа.

– Ну, как ты здесь? – похлопывая друга по спине, поинтересовался генерал Манн. – Все такой же романтично-бледный, как тебе это удастся на таком солнце?

– Сам не пойму. Видимо, север пока не отпускает. С приездом, Тереза! – повернулся Алекс к жене Виктора.

– Здравствуйте, Алекс! – поздоровалась Тереза. – Мы так рады снова приехать к вам в гости! Дети меня извели за неделю вопросами: «Когда мы снова поедem к дяде Саше? Ну когда?» А еще и выставка – мы ждем с нетерпением! Я так люблю живопись! Мы очень редко куда-то ходим! А тут – удачное совпадение: и ваш прекрасный остров навестим, и сходим на выставку знаменитых художников. Я по французским импрессионистам в университете писала курсовую работу, правда это было...

– Всего каких-то пару лет назад! – галантно вклинился Виктор, пожав мощными плечами и обняв супругу за талию. – Дорогая, пусть водитель сперва отвезет тебя с детьми на виллу и возвращается за нами. Чемоданы я уже загрузил. А мы с Алексом пока прогуляемся вдоль лимана и подышим свежим воздухом!

– Опять дела? – подозрительно покосилась Тереза на своего супруга.

Лицо ее мужа совершенно ничего не выражало кроме добродушного внимания. Когда было необходимо, Манн был совершенно непробиваем.

– Ладно уж, секретничайте! – вздохнула она. – Тогда мы, и правда, поедem!

– Тереза, на вилле все готово, – улыбаясь, произнес Алекс. – София вас встретит и разместит на хозяйской половине, две спальни и гостиная в полном вашем распоряжении. Мы все очень рады! Все про вас спрашивают, повар Петрос готовит сюрпризы близнецам. Завтрак накрыт на верхней террасе, но если захотите, вам накроют в гостиной.

– Спасибо вам, Алекс! Когда ждем Стефанию? – поинтересовалась Тереза.

– Она придет с вечерним скоростным паромом из Пирея, – кивнул Алекс. – Планирую, что мы все сегодня соберем за ужином на верхней террасе вместе с гостями, а завтра отправимся на торжественное открытие выставки!

– Ну что ж, прекрасно! – обрадовалась Тереза и позвала весело резвившихся близнецов: – Катрин, Микаэль, мы едем на виллу!

Дети издали боевой индейский клич и бодро понеслись к машине.

Проводив взглядом отъехавший автомобиль с женой и детьми, глава Национального Бюро Интерпола Греческой Республики повернулся к Смолеву и, подхватив друга под локоть,

повел в сторону лимана, что синел в трехстах метрах от взлетно-посадочной полосы небольшого аэропорта.

– Хорошо тут у вас! – произнес Виктор, вдыхая морской воздух полной грудью. – Каждый раз как приезжаю, одна мысль посещает: остаться!

– Ладно, голову мне не морочь! Сейчас машина вернется: тут езды минут пятнадцать от силы туда-обратно. Давай без предисловий. Что тебя беспокоит? Что ты хотел обсудить без Терезы? – поинтересовался Алекс, внимательно наблюдая за старым другом.

– Понимаешь, Саша, эта выставка еще не открылась, а она мне уже вот где, – чиркнул себе по шее ребром ладони генерал Интерпола. – Все как-то странно. И место, и выбор картин для экспозиции. И еще кое-что... Мы получили из своих источников сведения три дня назад о том, что некоторые из тех картин, что должны быть экспонированы, были проданы другим коллекционерам незадолго до того, как было объявлено о выставке на Наксосе.

– Не понял? То есть, этих картин на выставке завтра не будет?

– Да нет, будут. Мы делали официальный запрос в Оргкомитет выставки.

– То есть, собственник поменялся, но картины все равно будут? – уточнил Алекс.

– В Оргкомитете и смену собственника опровергают. Говорят, что это слухи, провокация, картины по-прежнему находятся все в тех же частных коллекциях, как и было заявлено, и примут участие в выставке, – пожал плечами Манн.

– Тогда ничего не понимаю, – признался Алекс, медленно двигаясь по растрескавшейся от солнца бетонке. – Может, и правда, – слухи?

– Все может быть, – задумчиво жуя сорванную травинку, ответил генерал. – Только с другой стороны – из источников, близко связанных с криминальными кругами, до нас дошли сведения, что два подпольных артдилера, не сговариваясь, заявили о скором поступлении в продажу на «черном рынке» частным лицам тех самых картин, что завтра будут висеть здесь, на стенах «Ройял Палас Арт Холл». Как ты это объяснишь?

– Вот это уже интересно, – отреагировал Смолев. – Каких именно картин?

– В том-то и дело, Саша! Всех! По списку!

– Ого! – ошеломленно воскликнул Смолев, останавливаясь. – Это как?

– Как, как!.. – раздраженно бросил Манн, в сердцах пнув мелкий камушек, что попался ему под ногу. – Откуда я знаю, как?! Третий день себе голову ломаю! Мне эти импрессионисты уже сняты по ночам! Ты представляешь, что будет? Выставка-блокбастер, суммарная стоимость полотен за миллиард долларов! Застрахована на безумные деньги. Проводится в отеле, где последние двадцать лет на стенах не висело ничего кроме никому не нужной мазни современных греческих авангардистов! Никакой системы безопасности! Это же не музей, где чуть что – срабатывает сирена, металлические жалюзи выезжают и блокируют картины! Это же буквально: приходи кто хочет, бери что хочет! Лакомый кусок для грабителей!

– Погоди, погоди, а полиция, служба безопасности отеля, охрана от коллекционеров, от страховых компаний? – недоверчиво покачал головой Смолев. – Да и остров, все-таки, куда здесь скроешься?

– Саша, друг мой ситный, – хищно улыбнулся Манн, продемонстрировав крепкие белоснежные зубы. – Да за миллиард долларов куша они положат рядами всю охрану, арендуют сразу три подводные лодки: на одной награбленное вывозить, а две будут торпедами топить любые суда, что отправятся в погоню!

– Ясно, – мрачно кивнул Алекс. – Твои планы?

– Понятия не имею, – честно признался Виктор. – Мне позвонил министр и попросил проконтролировать, чтобы, как он выразился, «обошлось без прискорбных происшествий». Придется общаться с Оргкомитетом, экспертами, самим все осмотреть. В общем, будем импровизировать на месте. Министр сам договорился, что Оргкомитет и лично юбиляр Папандреу нас примут завтра в восемь утра. Выставка открывается в шестнадцать часов. Если я что-то

увижу или заподозрю, я ее отменю. Не хватало мне еще в моем «хозяйстве» кражи на миллиард долларов. Ты со мной?

– Разумеется, – кивнул Смолев. – Ты же без меня пропадешь!

– Отлично! Две головы – всегда лучше! – обрадованно потер руки Манн. – Но в нашем случае будет даже три!

– Кто третий?

– Профессор-искусствовед из Афин. Умнейшая голова! Проверит картины на подлинность. Если что не так – сразу закроем тему. Они его знают, доступ к картинам ему обеспечат. На этот счет уже есть договоренность. А вот и машина вернулась!

Друзья сели в белую «Ниву» с наклейкой на водительской двери «Villa «Afrodita», и машина, быстро развернувшись на парковке аэропорта, повезла их в сторону Хоры.

Ярко-желтое «солей», так впечатлившее молодых французских художников, постепенно клонилось к западу. Жара спадала, свежий северный ветер «мельтеми» выдувал ее остатки из каменного лабиринта Хоры и уносил в море. Впереди был долгий островной вечер, наполненный радостью застолья, общением с близкими, музыкой и хорошим настроением.

И ничто не предвещало беды.

Часть первая

Пьер-Огюст Ренуар. «Мулен де ля Галетт»

(Из досье Интерпола: Пьер-Огюст Ренуар, «Мулен де ля Галетт», 1876 год. Холст, масло. 78 x 114 см. Частная коллекция в Европе. Оценивается в сумму 75—100 млн. долларов).

Сегодня людям хочется все объяснить.

Но если можно объяснить картину,

значит это уже не искусство.

Пьер-Огюст Ренуар.

Теперь на верхнюю террасу, где всегда проходил торжественный обед в первый вечер заезда гостей, Алекс поднимался первым, за полчаса до назначенного времени, чтобы убедиться, что все в порядке и кухня справляется со своими обязанностями. Впрочем, и в этот раз волноваться ему не пришлось: столы были расставлены и застелены белоснежными скатертями, вазы с фруктами, напитки и холодные закуски уже стояли на столах, а из кухни доносился божественный аромат блюд, которыми Петрос – виртуоз в своем деле – решил порадовать гостей в этот вечер.

Смолев потянул воздух носом: патудо – барашек на вертеле – традиционное блюдо острова, креветки на гриле с чесноком и лимоном, дорада, запеченная в духовке с тимьяном и белым перцем, сувлаки – шашлычки из свинины с тцатцтики, астакомакаронада – спагетти с омаром, росто – кусочки петуха, сваренного в вине, запеченный в духовом шкафу нежный островной картофель с розмарином и сливочным маслом, салаты из овощей, тушеные баклажаны с чесноком и, конечно, мусака – традиционная греческая запеканка с ягнятиной, баклажанами, сладкими перцами, картофелем, соусом бешамель, – и все покрыто сверху зарумяненной сырной корочкой.

Алексу навстречу из кухни вышел Петрос и гордо улыбнулся, увидев хозяина виллы. К приему гостей все было готово.

Спустя пятнадцать минут на ароматы, изливавшиеся с верхней террасы, потянулись гости. Алекс и Рыжая Соня встречали их у входа в ресторан, предлагали прохладительные напитки и приглашали к столу.

Первыми пришли Лили и Джеймс Бэрроу. На лице археолога было явно написано нетерпение.

– Какие ароматы, Алекс! Мой Бог! – воскликнул англичанин, едва переступив порог террасы и потирая в нетерпении ладони. – Как мы счастливы вернуться на виллу «Афродита»! Надеюсь, в связи с наплывом туристов на острове нет перебоев с морепродуктами?

– Добрый вечер, Лили, добрый вечер, Джеймс! – церемонно поклонился Алекс старым друзьям и крепко пожал руку англичанину. – Я специально заказал для вас, дорогой друг, у Петроса большое дополнительное блюдо с креветками. Его принесут персонально на ваш столик. Наслаждайтесь! Конкурентов не будет!

– Вы очень добры, Алекс, дорогой! – весело рассмеялась Лили. – Я уверена, что вы это сделали ради меня! Я не могу видеть, как мой муж постоянно съедает все креветки на столе, мне все время хочется провалиться от стыда сквозь землю! Теперь у него будет свое личное блюдо, и общий стол не пострадает!

– Не уверен, не уверен, – пробормотал Джеймс, в нетерпении сопровождая горящим взглядом официанток, выносивших подносы с горячими закусками. – Ничего не могу гарантировать... Как вы думаете, Алекс, пока все соберутся, – закуски еще не успеют остыть?

Смолев добродушно рассмеялся. Поездка на материк, видимо, и в самом деле далась археологу нелегко.

– Этого не случится, Джеймс! Только не на нашей кухне!

– Кстати, а где маленькая Кристина? – спросила, подойдя ближе, Рыжая Соня. – Я знаю, что Петрос испек для нее персональный торт, только это – секрет!

– Петрос – настоящий волшебник, у него большое и доброе сердце, – растроганно сказала Лили. – Наша Кристи каждый день его вспоминает! Так весело смеется всегда, когда его видит! Она немного устала после пляжа, мы решили сегодня уложить ее пораньше. Она хорошо покупала в таверне. Джеймс нес ее на руках с моря: она уже заснула. С ней осталась горничная Артеми – они очень подружились с нашей дочкой. Ребенок на острове очень счастлив, Алекс! И мы тоже!

– Хорошо, – сказала Соня, улыбнувшись Лили и Джеймсу. – Я тогда распоряжусь, чтобы торт вам принесли в номер. Может быть, когда она проснется, – ей будет приятно! Проходите, пожалуйста, я провожу вас к столу.

Следующими по лестнице поднялись Мария и Димитрос Аманатидис. Мужчины обменялись крепким рукопожатием. Мария обняла Алекса и расцеловала в обе щеки с итальянским темпераментом.

– Алекс, спасибо, что продолжаете традиции виллы, – произнес с чувством Димитрос. – Мы с мамой ни разу не пожалели, что фамильная вилла Аманатидисов перешла в ваши руки! Мы вам очень благодарны! И за таверну тоже! Мама звонила на днях, ей на материк шлют письма ее старые подруги с острова, хвалят таверну и Петроса. Она просила передать вам, что у нее просто нет слов, как она вам признательна; сказала, что приедет в гости и крепко вас расцелует! Вы должны знать, что Ирины очень гордится, что таверна «У Ирины и Георгиоса» – теперь лучшая на острове. И все благодаря вам!

– Поверьте, Димитрос, мой друг, – смущенно и растроганно ответил Смолев, – в этом наша общая заслуга!

– Мы тоже скоро вас пригласим в гости, – загадочно улыбаясь, произнесла Мария. – Дом почти достроен, и мы будем праздновать новоселье! Приедут мои родители и сестры из Гоканы! Вы уже приглашены, Алекс! И все ваши друзья тоже!

– Прекрасная новость! Буду очень рад! – церемонно поклонился Смолев, жестом приглашая их пройти на террасу. – Прошу вас, друзья, проходите, вы здесь по-прежнему дома!

Рыжая Соня повела Димитроса и Марию к столу, а Алекс переключил свое внимание на плотного господина лет пятидесяти пяти на вид, в очках с золотой оправой, отличным светлом костюме и белоснежной сорочке с платиновыми запонками, терпеливо и невозмутимо ожидавшего своей очереди.

– Герр Вольфганг Крамер, – перешел на немецкий язык Смолев, приветствуя гостя коротким поклоном, – рады вас приветствовать на вилле «Афродита». Меня зовут Алекс Смолев, я хозяин виллы.

– О! Вы говорите по-немецки так, словно всю жизнь прожили среди нас, – добродушно улыбнулся герр Крамер, ничуть не удивившись. – Прекрасное место, чудесный остров и, похоже, – потянул он носом, – великолепная кухня! Очень рад знакомству!

– Уверен, наша кухня вас не разочарует! Прошу вас, герр Крамер, моя управляющая вас проводит, – еще раз кивнул Смолев, проводив взглядом известного галериста, спешившего занять свое место за столом.

Судя по брюшку, решил Алекс, он вполне способен составить конкуренцию Джеймсу Бэрроу с его аппетитом, что уже успел войти на вилле в поговорку. «Голоден, как английский археолог», – шутили кухарки про какого-нибудь оголодавшего гостя, съедавшего по три порции очередного кулинарного шедевра, что выходил из рук Петроса.

Повернувшись к лестнице, Смолев увидел уже четверых гостей, что поднимались ему навстречу, быстро и весело переговариваясь между собой по-французски. Впереди шла пара молодых художников – Мари и Гастон Леблан, а за ними спешили, стараясь не отставать, еще две милостивые женщины «неопределенного возраста», как охарактеризовала их Катерина, – Моник Бошан и Джульетта Гаррель.

– Мадам и месье, – неожиданно обратился к ним Смолев на языке Вольтера и Гюго, вызвав у гостей неопиcуемый восторг. – Меня зовут Алекс Смолев, я хозяин виллы. Сердечно приветствуем вас на острове Наксос, надеемся, что вы не разочаруетесь в греческом гостеприимстве.

– Но как же так? Как это возможно? – удивленно прошептала одна из дам. – Нам сказали, что хозяин виллы – русский, а вы, месье, словно вчера из Парижа, с Елисейских Полей! Вы долго жили во Франции?

– Несколько лет, – кивнул Алекс. – Буду рад, если вы найдете местную кухню достойной. Высокое мнение парижан о наших кулинарных достижениях нам будет особенно лестно. Прошу вас, добро пожаловать! Это моя управляющая Софи! Она вас проводит!

Парижане веселой гурьбой прошли за Рыжей Соней и уселись за стол, потирая руки в нетерпении, словно замороженные ароматами, доносившимися из кухни.

Алекс снова вернулся на свой пост в ожидании гостей. Ждать пришлось недолго. По лестнице быстро взбежал поджарый американец с худым и желчным лицом.

– Добрый вечер, – произнес Смолев с отличным бостонским произношением, внимательно всматриваясь в гостя. – Мистер Джесси Куилл, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – процедил американец. – Я пришел поужинать...

– И попали по адресу, мистер Куилл, – кивнул Смолев, жестом приглашая страхового детектива на террасу. – Меня зовут Алекс Смолев, я владелец виллы. Моя управляющая вас проводит, прошу!

– Ну-ну, – недоверчиво покачал головой американец, отправляясь вслед за Рыжей Соней. – Поглядим, чем вы тут кормите!

– Эти американцы порой совершенно невыносимы! – произнес чей-то голос на лестнице, пока Смолев провожал взглядом страхового детектива и наблюдал, как тот усаживается за стол, по-прежнему сохраняя недовольное выражение на лице. – Такие снобы! Жан-Пьер Клермон, адвокат!

Развернувшись, Алекс увидел перед собой бойкого господина средних лет и средней комплекции, с совершенно непримечательным лицом и напыженными редкими волосами.

А, это тот самый «мутный» господинчик, припомнил Алекс, что с места в карьер предложил Катерине представлять ее интересы в суде против работодателя. Вот он какой, швейцарский адвокат. Ладно, посмотрим, что ты за субчик!

– Прошу вас, месье Клермон, – сдержанно произнес Смолев. – Рады приветствовать вас на вилле «Афродита». Моя управляющая Софи вас проводит за стол.

Услышав знакомые голоса из длинной галереи, Алекс спустился по лестнице навстречу друзьям. Виктор Манн и Тереза были нарядно одеты к ужину. Рядом с ними стоял высокий и нескладный грек, сильно сутулясь, словно стесняясь своего роста – от этого он походил на худой вопросительный знак. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Саша, познакомься, – произнес Манн. – Профессор Спиро Фасулаки. Искусствовед, эксперт по импрессионистам и постимпрессионистам. Хотя провалиться мне на этом самом месте, если я отличу одних от других. Ох уж эти мне кабинетные ученые: хлебом их не корми, – дай все классифицировать!.. Ты меня слушаешь? Саша, ау?

– Она сейчас выйдет, Алекс, – понимающе улыбнулась Тереза, укоризненно покачав мужу головой и потянув его за руку в сторону верхней террасы. – Мы пойдем наверх, не переживайте. Ждем вас за столом!

– Да, да, конечно, спасибо! – невпопад ответил Алекс. Его взгляд был прикован к дальней двери на галерею. К двери номера первого. Он не успел встретить ее с паром, хлопоты на вилле помешали. Стефанию встретили Манны.

Дальняя дверь распахнулась, и из номера вышла Стефания Моро, испанка с французскими корнями. Увидев Алекса, девушка радостно улыбнулась и направилась к нему своей упругой и танцующей походкой, которая всегда его так восхищала. Она была в длинном греческом платье-тунике цвета шафран, которое ей очень шло. Подойдя к нему очень близко, почти вплотную, она поцеловала его в щеку и тихонько произнесла по-испански:

– Hola! Gracias por las flores! Que son hermosas!²

– Hola! – эхом отозвался Алекс, взяв ее руки в свои и с нежностью глядя в ее смеющиеся зелено-карие глаза. – Hola querida! Te extraño, no fueras tan larga!³

– Solo cinco días!⁴ – тихонько рассмеялась она, встряхивая густыми черными волосами.

– Es una eternidad!⁵ – покачал он головой.

– Не язык – музыка! – произнес по-английски довольным басом Виктор Манн, выглянув из-за угла. – Слушал бы и слушал! Только есть очень хочется, а без вас, милая Стефани, они ведь не начнут!

– Да, да, конечно, – смущенно перешла на английский Стефани. – Давайте же поторопимся!

И все четверо поспешили по лестнице наверх, туда, где Рыжая Соня уже начала волноваться из-за отсутствия Алекса и остальных гостей.

На террасе официанты бодро разносили вино и горячие закуски.

Алекс, усадив Маннов и Стефанию, встал во главе стола и, звякнув ложечкой о бокал, попросил внимания у собравшихся.

– Дорогие друзья! – произнес он по-русски. За его спиной стояла Рыжая Соня и переводила его слова на английский. – Я рад приветствовать вас всех на вилле «Афродита»! Желаю вам насладиться отдыхом и чудесной греческой кухней! Приятного аппетита!

Гости, уже разгоряченные вином с виноградника Спанидисов – одного из лучших на острове – дружно захлопали в ладоши. Вскоре гостей начали обходить официанты с большими подносами в руках и предлагать каждому на выбор понравившееся блюдо. Гости оценили все: и баранину на вертеле, и запеканку, и спагетти с омарами. Внимательно наблюдавшему за гостями, Смолеву было видно, как француженки, закатывая глаза от удовольствия, наслаждались мусакой и запеченной дорадой, молодой художник Гастон от них не отставал.

² Привет! Спасибо за цветы! Они прекрасны! – исп. (прим. автора).

³ Привет, милая! Я скучал по тебе, тебя не было так долго! – исп. (прим. автора).

⁴ Всего пять дней! – исп. (прим. автора).

⁵ Это целая вечность! – исп. (прим. автора).

Солидный швейцарский галерист отдал должное пасте с омарами и баранине на вертеле. «Мутный», как окрестила его Катерина, адвокат Клермон сосредоточился на сувлаки и печеных овощах на гриле, запивая мясо большим количеством домашнего вина. Даже желчный американец, распробовав белое вино из долины, порозовел, лицо его разгладилось, и он уже в который раз просил официанта наделить его очередной двойной порцией тушеного в вине петуха – росто и сладкого печеного картофеля с розмарином, поглощая еду с видимым удовольствием.

Манны, как всегда, ели и пробовали все с большим аппетитом, Стефания предпочитала рыбу и овощи на гриле, а забавный профессор-искусствовед из Афинского университета, который, сев за стол, стал еще больше напоминать вопросительный знак, с радостью поедал картофельную запеканку с ягнатиной.

Самым счастливым выглядел, конечно, Джеймс Бэрроу. Его «персональное» блюдо с креветками на гриле было гигантских размеров.

Каждый нашел себе блюдо по вкусу, Петрос мог быть доволен!

– Кого нет? – обеспокоенно шепнул Алекс Рыжей Соне, сидевшей справа от него. – Я вижу три пустых места за столом.

– Я заметила, босс! Нет Шульца, немецкого журналиста, – кивнула Соня, сверившись с записями в маленьком блокнотике с тисненой кожаной обложкой. – И двоих греков из восьмого номера. Греки ушли еще с утра, так и не возвращались, а Шульца я видела около двух часов назад, он куда-то очень торопился. Я предупредила его насчет ужина, но он, по-моему, был так погружен в свои мысли, что меня не услышал. А настаивать я постеснялась.

– Предупреди Петроса, чтобы оставил ужин для всех троих, – распорядился Смолев. Пусть отнесут им в номера и поставят на стол в судках, если они не успеют появиться.

– Хорошо, босс! Так и сделаем, – кивнула София. – Пора представить Петроса?

– Думаю, самое время! – согласно кивнул Алекс и поднялся со своего места. Соня быстро встала и ушла на кухню.

– Уважаемые дамы и господа! – произнес Смолев по-английски. – Разрешите представить вам настоящего профессионала, замечательного человека, потрясающего кулинара и гениального художника в своем деле – нашего повара Петроса Папаскириса!

Соня вывела за руку из кухни смущенно улыбавшегося Петроса, которого встретили бурной овацией.

– Волшебник, волшебник, браво! – кричали француженки, хлопая в ладоши.

Неловко поклонившись, польщенный повар снова ушел на кухню – впереди гостей еще ждал десерт. За столом наступило время разговоров.

– Этот повар – действительно художник в своем деле, как вы совершенно верно подметили, дорогой хозяин, – кивая в подтверждение своих слов, заявил упитанный арт-дилер герр Крамер. – Поверьте старому галеристу, господа: в художниках я знаю толк! Таких природных ярких красок, как на этом щедром столе, я не видел в картинах современных художников уже много лет! Как бы их картины продавались, будь они столь же сочны и реалистичны!

– Но в полотнах импрессионистов конца девятнадцатого века такие цвета, безусловно, присутствуют! – произнес Гастон Леблан. – Не так ли, месье галерист?

– Можете звать меня Вольфганг, молодой человек, – добродушно кивнул арт-дилер со стажем. – Вы правы, безусловно! Поэтому я здесь!

– Ох уж мне эти галеристы, – едко произнес раскрасневшийся от вина Джесси Куилл. – Столько каши заварили, что вовек не расхлебать! Ни в одной афере с полотнами не обходится без вашего брата! Поверьте старому детективу!

– Возможно, – легко согласился герр Крамер. – Не буду спорить, дорогой мой! Вам виднее! Но похищают полотна, все-таки, не галеристы! Их крадут виртуозы, профессионалы, воз-

можно, даже романтики! Недаром кто-то из великих сказал, что преступник – это художник, творец! Детектив – всего лишь критик!

– Кто это такое мог сказать? – подозрительно покосился на швейцарца американец. – Никакие они не романтики! А настоящие сукины дети!

– Гилберт Честертон, – негромко произнес Джеймс Бэрроу.

– Простите? – повернулся к нему американец, не расслышав.

– Это слова английского писателя, мастера детективного жанра, – объяснил громче и для всех английский археолог. – Гилберта Кита Честертона. Он очень популярен у нас на острове. Похоже, у нас возник спор? Это прекрасно! Что может быть лучше старого доброго пари! Может быть, каждый из вас, господа, приведет аргументы в свою пользу, а мы честно – большинством голосов – определим, кто из вас прав!

– Прекрасная идея! – поддержал Манн. – Рад буду услышать от вас, джентльмены, несколько завораживающих историй о кражах из картинных галерей. По ряду причин, эта тема меня тоже занимает последние несколько дней. Время до десерта позволяет, и мы вполне можем поговорить о громких кражах в мире искусства. Я за пари!

– Мы тоже! – захлопали в ладоши Моник и Джульетта.

– Отличная мысль! – поддержал Смолев. – Что ж, господа, кто начнет?

Швейцарский адвокат Жан-Пьер Клермон кивком головы присоединился к мнению присутствующих. Профессор-искусствовед Спиро Фасулаки с мягкой улыбкой глядел на спорщиков и с интересом ждал продолжения.

– Ну, что ж, – покачал головой Вольфганг Крамер. – Раз я начал этот разговор, то мне первому и карты в руки. Я расскажу вам историю, которая случилась ровно сто лет назад! Да, дорогие мои, именно сто лет, не больше и не меньше! Почему такую давнюю, спросите вы, ведь музейные кражи совершаются каждый день? Каждый год только в Европе из музеев и художественных галерей пропадает полотно на сумму почти в десять миллиардов долларов! Все дело в картине, о которой идет речь! Это великая картина гениального мастера, пропавшая из самого знаменитого музея Европы! Кто угадал?

– Очевидно, – впервые подал голос греческий искусствовед, – речь идет о похищении из Лувра в тысяча девятьсот одиннадцатом году картины «Мона Лиза» кисти великого Леонардо?

– Блестяще! – воскликнул герр Крамер и поклонился в сторону грека. – Да, друзья, только представьте себе начало двадцатого века: вся Европа стоит на пороге мировой войны, политическая напряженность, экономическая нестабильность. И тут в один прекрасный августовский день, а именно, если быть точным, двадцать первого августа тысяча девятьсот одиннадцатого года в Лувр, по предварительной договоренности, приезжает живописец, чтобы написать копию картины великого флорентийца. С мольбертом и кистями он проходит в «Красный» салон, где висела картина. И что же он видит?

– Что же он видит? – эхом повторила одна из француженок, Моник Бошан, от удивления широко открыв глаза.

– Он видит пустую стену! Разумеется, он тотчас же начал расспрашивать у служителей, где картина. Но одни говорили, что она, скорее всего, у фотографов, другие – у реставраторов, третьи просто пожимали плечами и разводили руками. Художник начал волноваться, время шло, а картина все так и не появлялась. Прошло еще два часа – терпение у живописца лопнуло, и он начал скандалить. Тогда лишь служители пошли поторопить фотографов. Но очень быстро выяснилось, что ни у фотографов, ни у реставраторов картины нет! И только тут до охранников дошло, что шедевр Да Винчи был попросту украден!

– Мон Дье! – пролепетала молодая художница Мари Леблан. – Какой позор!

– О, да! – согласился с ней рассказчик. – Случился сумасшедший скандал! Директор Лувра месье Омоль, который буквально накануне хвалился, что выкрасть «Мону Лизу» так же

непросто, как похитить Нотрдам, – вылетел со своей должности с треском! В нервной и напряженной атмосфере тогдашней европейской политики кража шедевра Леонардо была воспринята французами как национальное оскорбление!

– Могу себе представить, – хмыкнул адвокат Клермон.

– Все валили друг на друга: французы – на кайзера Вильгельма и его шпионов, которым он-де приказал унижить таким образом национальное достоинство Франции; немецкие газеты обвиняли во всем французское правительство, мол, они сами украли у себя картину, чтобы развязать войну! На кого только ни думали: на анархистов, на художников-авангардистов во главе с Пабло Пикассо, арестовали даже поэта Гийома Апполинера – российского подданного, кстати сказать, – это был единственный арест во всем деле, но так же скоро и выпустили. Подозревали и американского эксцентричного миллионера Моргана, который якобы мог похитить картину для своей коллекции! В газетах началась полная истерия, все совершенно потеряли голову!

– Ну естественно, – пробурчал Джесси Куилл. – Куда же без американцев! Всем мы жить мешаем!

– Что же было дальше? – спросила Тереза Манн с неподдельным интересом. – Картину нашли?

– Не так все быстро, дорогая мадам, – покачал головой продавец картин. – Были опрошены сотни людей. Французская полиция не спала ночами! Ее подгоняла пресса, которая развернула безумную шумиху. Скандал стоял такой, что лишь трагедия с «Титаником» ненадолго его приглушила. И однажды самый настоящий след преступника обнаружил Альфонс Бертильон, – вы наверняка о таком знаете!

– Это создатель первой в мире системы опознания преступников по сочетанию размеров пяти частей тела, – улыбнувшись, кивнул Виктор Манн. – Она была неплохо задумана, но на практике оказалась не слишком эффективной. Преступники отчего-то не приходили заранее в полицейское управление, чтобы позволить полицейским снять с себя контрольные замеры.

Американский детектив и швейцарский адвокат презрительно фыркнули. Искусствовед покачал головой и улыбнулся. Стефания весело рассмеялась.

– Да, да, – засмеялся и герр Крамер, – так вот, именно месье Бертильон и обнаружил на раме от картины, которую нашли где-то по дороге на чердак, четкий отпечаток пальца! Но поскольку дактилоскопия, которая тогда только зарождалась, была прямой конкуренткой его системе «бертильонажа», французский полицейский попросту проигнорировал свою находку!

– Какой осел! – покачал головой адвокат Клермон, наливая себе еще вина из кувшина, и поинтересовался: – Что было дальше?

– Через два с лишним года, в декабре девятьсот тринадцатого, на моего коллегу, флорентийского антиквара и галериста, вышел некто, представившийся Леонардом, и предложил вернуть Италии шедевр, который, якобы был у нее похищен Наполеоном.

– Позвольте, позвольте! При чем здесь Наполеон, когда Франция выкупила «Мону Лизу» за триста лет до рождения Бонапарта? – возмутился искусствовед Фасулаки, впервые выпрямившись во весь рост. Даже сидя, он оказался выше всех присутствующих.

– Именно, дорогой профессор, именно! – согласился галерист. – Видимо, этот некто был не слишком образован, но, возможно, действовал из благородных побуждений. Когда «Леонард» привез картину в сумке с потайным дном, пряча ее под ворохом грязной одежды, и показал ее антиквару у себя в гостинице, – тот был потрясен! Это была «Мона Лиза» великого гения Ренессанса! И, надо сказать, к чести галеристов, – он посмотрел с легким укором на американского сыщика, – мой коллега не стал скупщиком краденого. Он немедленно обратился в полицию, и «Леонарда» задержали. Похититель оказался итальянцем Винченцо Перуджо, плотником, который несколько лет работал в Лувре и в свое время даже изготовил раму для этой

картины. В выходной день он пришел в Лувр, охранники его пропустили как штатного плотника. Винченцо попросту снял картину со стены и вынес на чердак, по дороге избавившись от тяжелой и неудобной рамы. Сунул картину под одежду и покинул музей. Дома он положил картину под матрац и целых два года спал на ней, не пытаясь никому сбыть. Когда страсти немного утихли, он и попытался «вернуть картину на родину»! Итальянский суд учел его патриотизм, и ему дали всего год тюрьмы. Потом Перуджо ушел на войну и вернулся с фронта героем, прожив остаток жизни мелким лавочником и торгуя красками. Картина, разумеется, вернулась в Париж после того, как ее показали на выставках во Флоренции, Риме и Милане. Вот такая история!

– Замечательная история! А что с тем отпечатком пальца? – поинтересовался Виктор Манн.

– Ах да, это был самый большой конфуз французской полиции. Оказалось, что у них в картотеке были отпечатки пальцев Перуджо, который ими уже привлекался за правонарушения. И все эти два года они могли его легко арестовать: ведь он никуда не сбегал. А чтобы найти картину – стоило лишь провести обыск у него на квартире. Именно эта история привела к тому, что дактилоскопия победила.

– Хорошо, – пожал плечами американский детектив Куилл. – То есть, вы хотите нам всем сказать, что Винченцо Перуджо, мелкий уголовник, укравший великое полотно, был ни кем иным – как романтиком и патриотом Италии?

– Ну, в каком-то смысле, да! – подтвердил, улыбаясь, швейцарец. – Мне кажется, что это очевидно!

Молодая итальянка Мария захлопала в ладоши. Французы начали с жаром что-то обсуждать.

– Так вот, леди и джентльмены, – дождавшись тишины, американский сыщик оглядел всех присутствующих торжествующим взглядом. – Я вас вынужден разочаровать! То, что рассказал господин Крамер – лишь внешняя сторона вопроса. А, как известно, всегда существует изнанка! То, что скрыто от глаз публики и остается за кадром. Как выяснилось гораздо позже, в конце тридцатых годов, всю эту махинацию придумал и организовал некто Эдуардо Дефольфьерно, аргентинский мошенник и авантюрист! О, это была гениальная афера! Надо отдать должное его изобретательности! Сначала Дефольфьерно нашел талантливого художника-кописта и заказал ему пять копий шедевра. Затем он нанял мелкого уголовника Перуджо, который едва сводил концы с концами, за небольшую сумму украсть «Мону Лизу» из Лувра. Дефольфьерно посоветовал итальянцу «лечь на дно», говоря, что он сам продаст картину, когда поутихнет скандал, тогда, мол, они оба сказочно разбогатеют. Пока наивный и недалекий плотник спал на шедевре Да Винчи, Дефольфьерно запустил слух на «черном рынке», что пропавшая картина у него. Он умудрился продать все пять копий, выдавая их частным коллекционерам за оригинал, выручив фантастическую по тем временам сумму в несколько миллионов долларов. А затем Дефольфьерно просто исчез с деньгами! Лишь в конце тридцатых он снова проявился, уже перед смертью рассказав обо всем в интервью. Кстати сказать, что к украденному оригиналу он ни разу даже не прикоснулся. Когда плотник понял, что его босс и вдохновитель исчез, он решил действовать сам, на свой страх и риск. Обманутые коллекционеры молчали, еще бы они кому-нибудь пожаловались! Чем кончилось – вы уже знаете! Так что я говорил уже и еще раз повторю: никакие они не романтики, а сукины дети!

За столом снова все зашумели, переговариваясь и смеясь.

Смолев задумался, история оказалось крайне поучительной. Похоже, что американец все-таки выиграл первый раунд!

Из задумчивости его вывел встревоженный возглас Манна, обращенный к нему. Алекс поднял глаза. Виктор указал ему жестом на лестницу, что вела на галерею. Развернувшись, Смолев увидел начальника отдела уголовной полиции острова, старшего инспектора Теодороса

Антонидиса, двух его помощников сержантов, из-за спин которых выглядывала расстроенная Катерина. На виске Смолева вдруг снова запульсировал шрам: явный признак, что что-то произошло. Он встал из-за стола и подошел к полицейскому.

– Здравствуйте, старший инспектор! – радушно произнес Алекс. – Вы как раз к ужину! Прощу вас за стол! Что-нибудь случилось?

– К сожалению, господин Смолев! – ответил инспектор, отдуваясь и вытирая пот белоснежным платком. – Благодарю вас за приглашение, но в другой раз! Дело в том, что мы обнаружили в холмах тело мужчины, лет тридцати. Документов у него с собой не было. Только визитная карточка виллы «Афродита». Поэтому мы и пришли к вам.

– Ясно, – медленно произнес Алекс. – Как он умер?

– Пулевое ранение в затылок, – развел руками старший инспектор. – Тело отправили на вскрытие, посмотрим, что скажет пуля. Нам нужно, чтобы кто-то его опознал.

– Опишите его, – попросил Алекс.

– Лет тридцати, среднего роста, худой, волосы темно-русые, глаза карие. Носит очки. Одет в...

– Светлые брюки и клетчатую рубашу? – подала голос Катерина. – Босс, так это же Альберт Шульц, наш жилец из четвертого номера! А карточку я ему сама дала, чтобы он не потерялся...

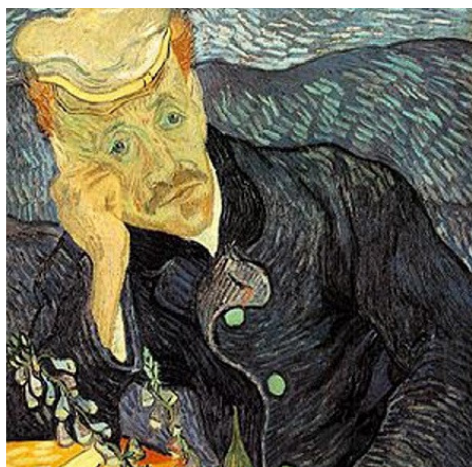
– Если это так, – произнес инспектор Антонидис, – то вы позволите нам осмотреть его номер?

– Разумеется, старший инспектор! Катерина вам откроет его комнату, – кивнул Смолев. – Я, с вашего разрешения, вернусь к гостям, но в любой момент – я в полном вашем распоряжении!

Алекс вернулся за стол и сел рядом со Стефанией, взяв ее за руку и, не подавая вида, что встревожен, нежно улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд девушки.

За столом по-прежнему шло бурное обсуждение истории, только что рассказанной американским детективом. Но Алекс ничего не слышал. Он с сожалением думал, что Манн прав: все это очень странно – убийство немецкого журналиста, писавшего об искусстве, за день до выставки наводило на мысль, что это только начало и основные трагические события еще впереди.

Часть вторая

Винсент Ван Гог. Портрет доктора Гаше

(Из досье Интерпола: Винсент Ван Гог, «Портрет доктора Гаше», 1890 год. Холст, масло. 67 x 56 см. Собрание Риоэи Саито, Токио. Продан на аукционе Christie's за 85 млн. долларов)

Если хочешь что-то делать, не бойся
сделать что-нибудь неправильно,
не опасайся, что совершишь ошибки.

Винсент Ван Гог.

– Хорошо, пусть Антонидис там пока со своими экспертами поколдует. Лаборатория у него неплохая – ему и карты в руки. Дождемся заключения патологоанатома, окончательных выводов экспертизы по пуле, потом решим, что делать, – мрачно подытожил глава Национального Бюро Интерпола и с досадой хлопнул себя по коленке. – Вот говорил я, что не нравится мне это все! Что значит профессиональная интуиция! Предчувствие у меня было плохое, Саша! Моя воля – я бы уже завтра с утра объявил, что выставка не состоится!

Друзья сидели в креслах у журнального столика в кабинете Алекса на хозяйской половине виллы. Время близилось к полуночи. Большая желтая луна повисла в черном южном небе. Северный ветер «мельтеми» наконец стих; на море царил штиль и тихий, шелестящий звук легкого прибоя едва доносился в комнату через открытую балконную дверь. На смену ветру победную песнь завели цикады.

Все гости давно разошлись по своим комнатам, ушли отдыхать и Тереза со Стефанией.

Наведя порядок на кухне и подготовив все для завтрака, разошлись по домам работники. Петрос ушел с кухни последним, как капитан уходит с корабля, лишь после того, как лично убедился, что все безупречно.

Вилла погрузилась в сон.

Друзьям не спалось: новое дело снова поломало все планы. Вместо запланированной вечерней прогулки к морю Смолев и Манн были вынуждены подняться в кабинет к Алексу и ждать звонка от старшего инспектора.

– Кстати, обыск в номере почти ничего не дал, – произнес Алекс, – единственное, что привлекло внимание Антонидиса – вот эта книга. Он передал ее нам в надежде, что мы ему поможем. Сам он говорит только по-гречески и по-английски.

– Что за книга? Дай взглянуть! – поинтересовался Манн, протягивая руку. – Ух ты, да она на немецком? «Письма к брату Тео» Винсента Ван Гога? Очень интересно! Ты читал?

– Читал, но очень давно. Это переписка Винсента с родным братом. За свою жизнь он написал Тео около восьмисот писем, – кивнул Алекс. – Сама по себе книга нам вряд ли чем-то поможет. Но там есть пометки на полях, тоже на немецком. Думаю, что это рука Шульца. Вот с этими записями Антонидис и попросил нас разобраться. Никакой записной книжки при нем не обнаружено. Может, и не было. А может, забрали.

– Ну что ж, делать все равно пока нечего, давай попробуем, – задумчиво кивнул Манн, придвинув поближе лампу на столе и рассматривая мелкий почерк журналиста. – Что ж он так писал, что в лупу надо смотреть? – проворчал генерал.

Алекс выдвинул ящик стола, достал большую лупу и молча вручил другу.

– Вот! Отлично, совсем другое дело! – обрадовался Манн, разглядывая неровные строчки через увеличительное стекло. – Так, бери ручку, листок бумаги и записывай. Ага, вот самая первая запись. Пиши: 85, М. Марм., Пар., 9 штук, восход... Ан нет, не так, в кавычках и с большой буквы: «Восход» К. М. Так, на этой же странице, внизу. Пиши: 88, М. Стед., Амст., 3 штуки, «Подсолнухи» В.Г., 100 млн. Записал?

– Ну да, вот, – Алекс показал другу то, что успел набросать.

– И что это значит? – озадаченно поинтересовался Манн. – Ты что-нибудь понимаешь? Что это еще за пароли-явки?

– Пока не особенно, если честно, – признался Алекс. – Давай все перепишем до конца, а потом позовем твоего профессора. Две головы хорошо, а третья – не помешает!

– Отличная мысль, – кивнул Манн. – Пиши дальше: 89, 3М Ш-бург, 2 штуки, 2 млн. Следующая страница, ого! Да она вся исчеркана: 90, М. Гардн., Бост., 13 штук, 200 млн.; 94, Н.Г., Осло, «Крик» Э.М., 75 млн.; 97, Г. Пьяч., «Ж. портрет» Г.К. 3 млн.; 99, яхт., «Дора Маар», П.П.; 02, Н. Муз. Асунс., 5 штук, 80 млн.; 03, 3М Бакклю, Ш., «Мадонна» Л.В.; 04, М. Мунк., Осло, «Мадонна», «Крик», 70 млн.; 06, М. РдЖ, Дали, Моне, Пик., 150 млн.; 08, М. Бюрле, Цюр., «Мак. поле» К.М., «Люд. Лепик» Э.Д., «Мальчик» П.С., «Каштан» В. Г. Уфф-ф-ф! Давай отдохнем! Пауза!

– Давай, – задумчиво согласился Смолев. – А знаешь, я, по-моему, начинаю догадываться, о чем речь. Это кражи картин из музеев! Смотри сам: первые цифры – это год. Например, 89, значит – 1989 год. Суммы в миллионах – очевидно, что стоимость похищенного. М. Мунк – музей Мунка в Осло, я там был. «Крик» – очень известная его картина. Не знал, что ее украли в 2004 году.

– А в 1994 ее тоже уже похищали? – спросил Манн, заглянув в бумажку с записями Смолева. – Вот, смотри: Н. Г. Осло. Предположим, Национальная Галерея в Осло. «Крик» Эдварда Мунка, 75 миллионов долларов. Или евро. Валюту он не указал, но обычно цена картин на международном рынке идет в долларах. Почему «Крик» указан дважды?

– Не знаю, не могу сказать, это уже точно к искусствоведу, – помотал головой Смолев. – Может было несколько одинаковых картин? У Ван Гога такое сплошь и рядом. Он одну натуру писал раз по пятнадцать. Те же «Подсолнухи» или «Портрет доктора Гаше». А своих автопортретов у него более тридцати. Кстати, о «Подсолнухах»! Ну точно: в 1988 году из музея в Амстердаме, судя по этим записям, «ушли» три картины на общую сумму в сто миллионов долларов, одна из них – «Подсолнухи» В.Г. – Ван Гога! Все ясно, как Божий день!

– Пожалуй, – продолжил Манн, в возбуждении меряя кабинет широкими шагами, – я с тобой соглашусь! Да тут просто картотека крупнейших краж шедевров за последние тридцать лет! Отправлю своим девчонкам в Афины: пусть нам по каждому случаю справочку подготовят! Смысл мы поняли, они до конца расшифруют и соберут побольше информации. Выходит...

– Выходит, что смерть Альберта Шульца напрямую связана с выставкой картин, – продолжил за другом Смолев. – Не удивлюсь, если завтра на твой запрос придет ответ, что он был не только журналистом, писавшим об искусстве, но также и арт-детективом, который проводил свои независимые расследования, а потом публиковал их в СМИ или выпускал книги. Подозреваю, он «раскопал» в этот раз что-то очень весомое.

– Да, я скорее в этом даже уверен, – согласился Манн, снова усаживаясь в кресло. – Он что-то знал, этот Шульц. Или кому-то очень сильно мешал. Или мог помешать!

– А чем и кому он мог так помешать, чтобы его необходимо было застрелить за день до выставки импрессионистов, общей стоимостью в миллиард долларов? – мрачно проговорил Смолев. – Витя, ты не хочешь позвонить министру? Мне кажется, что у тебя уже достаточно оснований полагать, что вокруг выставки что-то затевается. Сперва информация о том, что у картин сменились собственники, потом – что шедевры скоро поступят на «черный рынок», теперь – труп арт-детектива с пулей в затылке. Я лично в такие совпадения не верю!

– Я тоже не особенно, – кивнул Манн, что-то напряженно обдумывая. – С другой стороны, смотри, преступники тоже не идиоты. Решить обокрасть выставку, стоимостью под миллиард – надо же в голове иметь что-то? Зачем им труп журналиста за день до открытия? Ведь и ежу ясно, что это вызовет подозрения у полиции, – та сразу начнет «рыть землю», искать связь между Шульцем и выставкой, к которой они меньше всего хотели бы привлечь внимание со стороны компетентных органов. Ну так ведь? Или я не прав?

– Возможно, у них просто не было другого выхода? – пожал плечами Смолев. – А что, если Шульц что-то знал и шантажировал кого-то? Чтобы не сорвалось все мероприятие, они «убирают» Шульца, делают, правда, это грубо, согласен. Он вполне мог бы «сорваться с обрыва» или «случайно» утонуть в море, – дело такое! Мало ли обрывистых круч на острове, поехал с фотоаппаратом, нога подвернулась, а с тридцатиметровой высоты – да на камни!.. «Не повезло»! Так нет же – пуля в голову! Почему они его так показательно и вызывающе убивают? Кому и что они хотят показать? Такое ощущение, словно они ничего не боятся! Словно терять им нечего! В то, что с Шульцем поработали «любители», – я не верю. Это что-нибудь да значит!

– Да, несомненно, – подтвердил Манн.

В этот момент раздалась трель телефонного звонка – вибрировал настольный аппарат. Алекс нажал на кнопку «громкой связи».

– Старший инспектор Антонидис, господин генерал! – раздался из динамика усталый, но довольный голос начальника уголовной полиции острова. – Готов доложить результаты экспертизы!

– Отлично, старший инспектор, – пробурчал Манн. – Давайте уже, не томите! Причина смерти и орудие убийства?

– Причина смерти: огнестрельное ранение в голову, несовместимое с жизнью. Пуля калибра 7,62 мм вошла в затылок сзади справа, под углом двенадцать градусов к горизонтали, застряв в черепе. Смерть наступила мгновенно, убитый упал плашмя на землю. Орудие убийства – по заключению экспертов – снайперская винтовка, возможно, с глушителем. Очевидно, что стреляли с возвышенности, с холма. Там, от того места, где было обнаружено тело, метрах в пятистах через дорогу – сплошные холмы. Еще в километре – ферма. Завтра с утра эксперты едут туда, будут искать винтовку, гильзы или другие следы, что мог оставить преступник. Не совсем ясно, что там делал убитый: до моря далеко, ни домов, ни кафе, ни таверн, – очень безлюдное место. Пешком туда добираться от Хоры – около часа. Ни машины, ни «байка», ни квадроцикла мы не обнаружили. Да и тело само нашли только потому, что собака местного фермера, проходившего мимо, что-то почуяла и начала выть; он и сообщил в полицию.

– Вас это удивляет, старший инспектор? То, что Шульца убили в безлюдном месте? – язвительно поинтересовался генерал Манн. – Слава Богу, что они не открыли стрельбу на пляже или на променаде!

– «Они»? – после паузы удивленно переспросил Антонидис. – Кто «они», господин генерал? – и с завистью добавил: – Вам удалось уже что-то выяснить?

– Ну это же очевидно, Теодорос, – мягко вмешался Смолев. – Если вы говорите, что там пустое и безлюдное место, далекое от моря и от таверн, то понятно, что Шулец не на увеселительную прогулку туда отправился! У него с кем-то была встреча. Катерина мне говорила, что с первой минуты своего появления на вилле он нервничал, волновался, обдумывал что-то важное, вследствие чего вел себя крайне рассеянно: дважды забыл свои вещи на ресепшн. Видимо, предстоящий разговор его очень сильно тревожил. Чего-то он боялся!..

– И не зря, – пробурчал Манн, устало потирая лобастую голову, – как выяснилось...

– Скорее всего, – продолжил свою мысль Смолев, – один из преступников вышел с ним на встречу без оружия, а второй – засел с винтовкой в холмах. Обычная практика спецподразделений, старший инспектор. Думаю, что винтовка была с оптическим прицелом, а стрелок – подготовленный снайпер. Ведь даже с приличной оптикой на дистанции в четыреста – пятьсот метров попасть точно в затылок при дующем порывами «мельтеми», да еще с разницей высот – надо суметь, поверьте! Первый, переговорив с Шульцем и, очевидно, не договорившись о чем-то, дал команду стрелку на ликвидацию журналиста. Он же, этот «первый», будучи поблизости, и обшарил труп, забрав телефон и блокнот, если они были. Это объясняет, почему вы ничего не нашли у убитого. Подумайте сами: выстрелить в журналиста с длинной дистанции, потом бежать к нему полкилометра с винтовкой в руках, чтобы обыскать, – мягко говоря, глупо. Бежать без винтовки – чтобы затем за ней вернуться – тоже не лучшее решение: а вдруг кто обратит внимание на «бегуна»? Их было двое, как минимум!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.